

Лора Баффингтон — молодежный руководитель служения ученичества в церкви SouthBrook Christian Church в Сентервилле, в штате Огайо. Она родилась в Колумбии и какое-то время жила на востоке штата Теннесси, где училась в Миллиганском колледже, а затем в Школе Религии «Эммануил», после окончания которой в 2001 году она получила степень магистра богословия.

Джон Эммерт — пастор Первой Христианской Церкви в Джонсон-Сити, штат Теннесси. Со своей женой Брук Джон познакомился в колледже Карсона-Ньюмана, где он учился на бакалавра религии и психологии. В мае 2003 года Джон закончил Школу Религии «Эммануил» со степенью магистра богословия. Детство Джона прошло в Джефферсон-сити, в штате Теннесси. Там он посещал церковь, основанную его родителями (Jefferson City Christian Church).

Эрин Мак-Дэйд окончила Технологический Институт штата Джорджия в 2000 году, получив степень бакалавра в промышленном дизайне. После окончания учебы она работала стажером в сообществе студентов-христиан Georgia Tech Christian Campus Fellowship, динамично развивающемся студенческом служении. В мае 2003 года Школа Религии «Эммануил» присвоила Эрин степень магистра в области изучения доктрин христианства. Сейчас с помощью сообщества христианских миссионеров Christian Missionary Fellowship (Globalscope) Эрин вместе со своим мужем Нэйтаном готовится к тому, чтобы организовать студенческое служение в мексиканском городе Пуэбла.

Крис Смит — помощник пастора в церкви Christian Church of Buckhead, которая была не так давно создана в Атланте, штат Джорджия. Крис родом из Атланты. Он закончил бакалавриат в Технологическом Институте штата Джорджия, получив специализацию в области финансового менеджмента. Кроме того, он изучал историю Церкви в Школе Религии «Эммануил».

Вопросы постмодернизма в создании новых церквей

По утрам мы сидим за ноутбуками, пытаемся уследить за последними новостями — от Бангкока и Лондона до Лос-Анджелеса. Обеденное время мы проводим в местной забегаловке на углу Кожевеной и Ореховой улиц, или в старом книжном магазине, где бестселлеры соседствуют с классикой. Там можно случайно встретиться со старым школьным другом, столкнуться с латиноамериканцем, который попал сюда в поисках работы, встретить врача-мусульманина, работающего в местном ветеранском госпитале, или поболтать с выросшим в австралийском Сиднее профессором математики из университетского квартала. По вечерам мы щелкаем каналами телевизора. Наше внимание ненадолго привлекают документальный фильм о рождении цивилизации на Дальнем Востоке, телевизионная проповедь шумного и потешного южно-баптистского проповедника или реалити-шоу с участием сорокалетнего

строителя, двадцатидвухлетней бухгалтерши и тридцатилетнего гомосексуалиста. Мы проводим дни в поисках информации о том, что происходит в мире, в общении с праздными и чужими людьми, у «шведского стола» озарений и развлечений. Доступность информации, новые люди и обилие развлечений вынуждают нас впитывать все и вся из окружающего нас мира. Теоретически, это должно сблизить нас и объединить. Но на самом деле происходит следующее: ложась спать в конце дня, мы опять чувствуем себя одиноко.

Воскресным утром, вытащив себя за шиворот из-под одеяла, мы появляемся в дверном проеме церкви, чтобы услышать слова. Нам говорят, что Иисус — Сын Божий, и что Он любит весь мир, в том числе и нас. Мы слушаем, но с трудом воспринимаем услышанное. Наши мысли вертятся вокруг войн и болезней, предрассудков и страданий, вокруг проповедника, цитирующего седьмую заповедь, в то время как его галстук все еще пахнет духами его секретарши. Мы все замечаем. Если уж говорить на чистоту, нам не нужны слова. На самом деле, мы хотим знать только дно: что *такое* вера, и как *жить* с ней? Вот о чем мы думаем. «Люби ближнего своего» — звучит красиво, но мы слегка запутались в том, кто же наш ближний. Тот латиноамериканец, который ищет работу? Или врач-мусульманин из ветеранского госпиталя? Что означает «любить своего ближнего» по отношению к ним? Мы хотим ясности о том, кто такой Иисус. Мы отчаянно хотим знать, Кем Он был и чего Он хочет от нас. Мы понимаем, что христианская вера имеет дело с «другими» и что, может быть, и мы сами хотели бы идти той же дорогой. Может быть, любовь к другим поможет нам определить, кто мы такие, и когда придет наш черед говорить, у нас будет что сказать. Может, Иисус научит нас жить в мире, где все чужие друг другу. И тогда мы не будем чувствовать себя такими одинокими.

Мы — те люди, о которых вы хотели бы узнать. Мы — те, кого вы обычно называете «постмодернистами» (между прочим, мы не любим, когда нас так называют). Временами о нас говорят, что мы как птицы из одной стаи. Но мы вовсе не из одной стаи. Может быть, мы и подобны птицам, но все мы разные и чужие друг другу. Конечно, времена меняются. Чтобы не спорить (и чтобы угодить представителям эпохи «модерна»), мы согласны называться «птицами». Все же лучше, чем «постмодернисты» или «пи-эм».

Итак, что мы знаем о птицах? Кому-нибудь бабушка говорила, что для того чтобы поймать птицу, нужно насыпать ей соли на хвост? Если вы прирожденный «постмодернист», то вы слишком циничны, чтобы это

проверить. Потому что даже самые наивные из нас понимают, что птице невозможно насыпать соли на хвост. Но если даже вам и удалось бы это сделать, чего бы вы добились? Скорее всего, «бабушкины сказки» нужны были нашим бабушкам для того, чтобы в очередной раз отвлечь нас от баловства.

Использовать в церкви новые методы для того, чтобы привлечь постмодернистов — все равно что пытаться поймать птицу, насыпав ей на хвост соли. Часто эти уловки больше нужны самим строителям, чем тем, кого они пытаются завлечь. В конце концов, птиц привлекают червяки и семена, а не соль. Но поскольку церкви продолжают заниматься поисками наживки, которая привлекла бы неуловимых «постмодернистов», позвольте предложить вам нашу, «птичью» точку зрения.

Церковь всегда находилась под сильным давлением, которое на нее оказывало меняющееся общество. Ей всегда нужно было приспосабливаться, используя методы, которые бы не нарушали целостности Царства Божьего. Мы погрязли в разговорах о моде, о приемах и способах выживания. Церковь всегда пугали перемены. Мы обеспокоены тем, в каком состоянии находится истина, особенно если изменения сопровождаются падением нравов и усилением позиции тех, кто считает, что истина — понятие относительное. Но давайте проясним следующее: постмодернизм стоит в стороне от простого понятия «перемены». Вопреки бытующему представлению, постмодернизм и перемены не являются синонимами.

Фактически, там, где модернисты подчеркивали «новизну» и нововведения, постмодернизм вынуждает нас, христиан, пересмотреть, изменить, обновить, возродить и повторить то, что ранее означало быть Церковью. Мы не считаем все старое плохим, а новое — хорошим. Для нас важно, насколько по-новому или по-старому мы проживаем день за днем. Наша культура бросает вызов Церкви, но и дает ей новые возможности. Она требует новой парадигмы, которая бы соответствовала одновременно и вечной истине, и древней подлинности.

Откуда нам это известно? По какому праву мы можем рассуждать о происхождении или направлении постмодернизма? Просто потому что мы, как птицы, все время в полете. Среди тех, кто посещает церковь — наши друзья, наши учителя и наши дети. Мы уже не просто «где-то существующие постмодернисты». Мы — везде. Мы говорим об этом, потому что мы — в церкви. Мы также закрепились в различных системах образования, по соседству с вами. Кстати, они-то и превратили нас в постмодернистов. Мы спорим с церковью, ожидая от нее ответа на наше глубочайшее желание найти место, где можно обрести пристанище... место,

куда мы можем пригласить наших страдающих друзей — вот почему мы так увлечены созданием новых церквей. Почему нам нравится создавать новые церкви? Потому что это как раз работа для «птиц».

Создание новых церквей — работа для «птиц»

Трудности, с которыми сталкивается создатель новых церквей, заключаются в том, чтобы идти в ногу с требованиями времени. Где нашей птичьей стае собираться? Как нам относиться друг к другу? Как нам понимать мир? В мире, где люди, как никогда раньше, подвержены влиянию разных культур, Церковь имеет возможность радоваться разнообразию, используя его в своих зданиях и программах. В мире, в котором истине негде приклонить голову, Церковь предлагает надежное место — она проявляется в жизни тех, кто ее принимает. В мире, где люди все больше отдаляются друг от друга, Церковь напоминает о том, что мы призваны жить, чувствуя локоть друга. Миру, в котором царствует неуверенность, Церковь предлагает стабильность и защищенность. Задача Церкви в эпоху постмодернизма — понять, что означает жить полноценной жизнью, причем жить так, чтобы привлечь внимание сбитых с толку, разобщенных людей и направить их к Богу. Задача Церкви в эпоху постмодернизма — жить для «птиц». Но вначале нужно их отыскать.

Наблюдаем за птицами

Прищулив глаза, вы всматриваетесь в небо. Вы окидываете взглядом землю и верхушки деревьев, ожидая внезапного появления птиц. Где прячутся птицы? Кто они? Как пастор, основатель церквей, вы должны «изучить обстановку».

Вы также должны наладить отношения с соседями. Но вы не увидите надписей на наших дверях, оповещающих о том, что здесь живут «постмодернисты». Ведь мы ненавидим ярлыки. Честно говоря, трудно сказать, где точно мы живем, и как мы выглядим. Поскольку общество постоянно меняется, создается впечатление, что среди нас есть представители всех возрастов, всех национальностей, всех рас. Мы можем быть бедными или богатыми, молодыми или старыми, жителями городов или деревень. Разумно предположить, что со временем нас будет все больше, и мы будем все больше влиять на мир. Скоро все церкви, где бы они ни находились, должны будут иметь дело с постмодернизмом.

Наблюдая за постмодернистами, вы можете заметить, что мы придаем большое значение сосуществованию различных групп населения. Если

помнить об этом, то для новой церкви важной задачей будет преодолеть и даже разрушить расовые и классовые барьеры. У новой церкви есть возможность с самого начала позиционировать себя как незаурядное место — место, где всех привечают и всех ценят. Новая церковь может показать пример другим, став истинной церковью, в которой возможно общение между иудеями и язычниками, варварами и скифами, рабочими и администрацией. С другой стороны, выбор постмодернистов как целевой аудитории может привлечь и церковь, которая не является постмодернистской, к примеру, церковь, в которой пришло время все изменить. Однако просто добавить в свое расписание «служение постмодернистам» — явно недостаточно. Такая цель слишком узка. Новая музыка и высокие технологии только оттолкнут нас, если все это не будет сопровождаться искренним побуждением серьезного ученичества в течение недели. Полагаться исключительно на новшества в служении, направленные для привлечения постмодернистов — все равно, что пытаться поймать птицу, насыпав ей соли на хвост.

У новой церкви есть возможность позиционировать себя как «незаурядное место»

Быть новатором — еще не все. На самом деле, мы устали от новшеств. Мы легко определяем ваши мотивы и намерения. Мы не останемся в общине, если вы создадите только видимость изменений. Мы хотим быть частью того, что изменит нас и окружающий мир до неузнаваемости. Нас не нужно привлекать маркетинговыми технологиями — ведь они не совместимы с радикальным пониманием того, что значит следовать за Христом в этом мире и быть частью Церкви. Превращение корпоративных лозунгов в слоганы, содержащие имя Иисуса, конечно, забавно, но это не имеет ничего общего с постмодернизмом. Нас привлекают не забавы, а жизнь на прочном основании, испытанная временем. Предлагать что-либо вместо этого — просто глупо.

Каждый день нам предлагают так много новшеств, что мы уже не знаем, кто мы. Мы хотим, чтобы Церковь ответила нам на этот вопрос, а также на вопрос, кем мы могли бы стать. Выключая телевизор, мы думаем: а вдруг, мы были созданы для чего-то большего? Мы двигаемся вслепую в поисках того, что выведет нас за рамки самих себя, что даст нам более высокую цель, более глубокую надежду. Именно это и должны нам предложить вы, создатели новых церквей. Войдя в жизнь человека, живущего по соседству, церковь имеет возможность изменить направление его жизни. Нам нужна наглядная истина, а не прописная; истина, открыто

заявляющая о себе, а не защищающаяся. Мы просим вас изменить наш кругозор, показав нам живую истину, а не абсолютную.

**Нам нужна наглядная истина,
а не прописная; истина, открыто
заявляющая о себе, а не защищающаяся**

Итак, мы подошли к одной из главных проблем постмодернизма. Постмодернизм снискал дурную славу за приписываемое ему отвержение абсолютной истины. Тем не менее, реакция постмодернизма заключалась не в отрицании абсолютной истины как таковой, а в неприятии того, как ею манипулируют. Церковь использовала абсолютную истину для того, чтобы защитить свое учение от модернизма, представленного, к примеру, дарвиновской теорией «выживания сильнейших» или ницшеанским заявлением о смерти Бога. Однако христиане, не сознавая того, что делают, уступили. Они позволили модернизму самому выбирать поле боя. «Если мы сумеем привести разумные научные доказательства нашим верованиям, — говорили христиане, — мы сможем доказать несостоятельность либералов и победить их!» Если вы будете продолжать сражаться на этом поле, вы никогда не привлечете в церковь постмодернистов. Эти сражения ни к чему не приводят. Потому что постмодернист считает, что он выше всего этого. Мы воспарили за пределы ограничений земной науки. И теперь мы не связаны ее законами. И беспокоимся мы вовсе не о том, как что-то доказать, а о том, как жить.

**Реакция постмодернизма заключалась
не в отрицании абсолютной истины
как таковой, а в неприятии того,
как ею манипулируют.**

Как христиане, будучи постмодернистами, мы верим что эта обеспокоенность тем, как жить, гораздо лучше отражает проповедь Иисуса Христа, который сказал: «Я есть путь и истина и жизнь » (Ин. 14:6). Иисус есть истина, но в Своем учении Он уделял гораздо больше внимания применению истины, чем теоретическим постулатам, в которые должно верить.

Церковь может стать живым примером применения истины на деле. Вместо того чтобы придумывать и систематизировать постулаты, Церковь должна принимать участие в жизни людей, показывая на собственном примере, что означает жить, прославляя Бога. Другими словами, Церковь должна явить миру «жизнь по Духу». Поэтому с самого первого дня новая церковь должна быть готовой во главу угла поставить ученичество. Мы

скорее примем истину в контексте взаимоотношений, чем в предписанных доктринах. Будут ли это малые группы, группы поддержки, чаепития или занятия спортом — вы привлечете нас тем, чего мы страстно желаем — взаимоотношениями. Если футболки с броской надписью можно сравнить с солью, то взаимоотношения подобны семенам. Соль? Нам она не нужна. Семена? М-м-м-м...

Строим гнездо

Теперь, когда мы установили, что постмодернисты тоскуют по искренним, непритворным взаимоотношениям, нужно подумать, как приготовить для нас место, где мы хотели бы жить. Церковь часто становится центром общественной жизни: местом, где человек чувствует себя защищенным и любимым, местом, где люди встречаются и создают семьи, где всем доступно обучение. Это именно то, чего ожидают от Церкви эпохи постмодерна. Во многих отношениях такая обстановка напоминает ситуацию, в которой оказалась Церковь во времена Средневековья. Никогда в истории не уделялось так много внимания церковному зданию, как в эпоху развития архитектуры и символики готического собора.

Оглядываясь назад, постмодернисты восхищаются средневековыми архитекторами, их дерзкой смелостью в использовании материалов и в создании математических пропорций. Будучи гибкими, они учитывали те застройки, которые окружали их будущее здание. В итоге традиционное церковное сооружение они мастерски превратили в нечто символическое, выражающее тоску по Богу.

Средневековые архитекторы понимали значение помещения — в частности, помещения, где проходит духовная жизнь. В Средние века наиболее интенсивно строились церковные здания, и именно они стали воплощением многообразия архитектурных идей. Во эпоху Средневековья готические соборы часто становились центрами городской жизни. Уоррен Холлистер и Джудит Беннет отмечали, что «соборы стали основным местом собраний людей не только во время богослужений, но также во время проведения фестивалей, победных празднования, дворянских собраний и даже заседаний городского совета»⁴⁵. И всегда, в любое время соборы были открыты для путешествующих пилигримов, местных бродяг, пьяниц и проституток; они были доступны людям любого социального слоя. Готические соборы служили тихой гаванью, куда люди обращались за духовной и физической поддержкой. Возвышающиеся строения из мозаичного стекла

⁴⁵ C. Warren Hollister, Judith M. Bennett, *Medieval Europe: A Short History* (New York: McGraw Hill, 2002), с. 307.

и камня свидетельствовали о могуществе Церкви, о ее устремленности ввысь и способности обеспечить защиту.

Создателям новых церквей нельзя пренебрегать дизайном здания — его внешним видом, его функциональностью, его скрытыми символами

В попытке привести к Богу людей любого социального слоя, любой национальности, любого пола, церковь эпохи постмодерна не должна недооценивать влияние, которое оказывает здание на развитие общины и на ее готовность принять людей, независимо от их физического или духовного состояния. Умело спроектированное помещение для собраний может помочь человеку в его духовной жизни с Богом и людьми. Создателям новых церквей нельзя пренебрегать дизайном здания — его внешним видом, его функциональностью, его скрытыми символами.

Место для собраний также должно отражать постмодернистское стремление к подлинности и единству. Оно должно привлекать людей, выражая истинную суть христианина. Здание церкви должно отражать структуру общества и создавать осмысленную обстановку для ежедневных социальных и духовных взаимодействий. Для людей, которых заботит возрождение красоты и творчества в повседневной жизни, церковное здание должно служить вдохновением, приглашая их быть ближе к Богу и к людям.

Не забывайте, что культура постмодерна страдает от одиночества. Несмотря на все возрастающее количество контактов, каждый из нас, ложась спать, чувствует себя одиноким. Поэтому пространство церкви должно отражать значимость «общности» в ней. Эстетика и планировка сооружения должны создавать атмосферу, ведущую к общению и близости. В дизайнерском проекте должна быть также заложена гибкость (к примеру, зал, вмещающий большое количество людей, должен легко превращаться в место для обычной беседы). Зачем прикручивать кресла или скамейки к полу, если мы намереваемся послужить различным целям и нуждам людей? Почему бы не создать такую обстановку, в которой служение воспринимается как образ жизни, а не просто чинное сидение в рядах по воскресеньям?

В городах, к примеру, связь с прошлым можно установить через восстановление старых зданий, что даст людям ощущение «корней». Строительство совершенно нового здания в городе потребует бесконечно много денег — а как раз этого у новых церквей и нет. Вдобавок, и место для строительства не так легко найти в переполненных городах. Восстановление существующих не используемых зданий даст возможность создателю

новой церкви вдохнуть жизнь в место запустения, что также будет символизировать надежду на духовное возрождение города и его жителей.

Восстанавливаем ли мы существующее здание или строим совершенно новую церковь, нам необходимо учитывать все требования, предъявляемые к церковным строениям. Нужно обратить внимание на внешний вид и местоположение: позаботиться о том, чтобы здание выглядело привлекательным, было удобным для проведения богослужений, а также создавало желание общаться.

Учимся летать заново

Птицы в конце концов должны покинуть свое гнездо. Птицам эпохи постмодерна нужно учиться летать заново. Как подготовиться к этому? То, что мы тоскуем по искренности, по тому, что выявляет нашу нужду, но в то же время влечет наше сердце, душу и разум к более высокой цели, означает, что, в сущности, мы жаждем быть частью истории.

**То, что мы тоскуем по искренности,
означает, что, в сущности, мы
жаждем быть частью истории**

Таким образом, если создатель новой церкви хочет привлечь постмодернистов, очень важно обновленное (не новое, но обновленное) понимание Писания. Писание — та самая нить, которая соединяет нас с древней историей. Наше мистическое участие в библейской истории неминуемо сказывается на том, как мы участвуем в распространении благой вести. Вместо того, чтобы рассматривать Писание как систему логических доказательств, мы должны видеть в нем *сценарий*, в котором описывается жизненный уклад. (Помните, что постмодернистов больше интересует жизнь, нежели доказательства). Мы становимся исполнителями ролей — участниками библейской истории; жизнь в церкви становится подобной жизни на сцене.

Н. Т. Райт сравнивает наши пересказы Писания с представлениями шекспировской пьесы, «в которой отсутствует пятый акт». Согласно Райту, первые четыре акта дают «такое богатство характеров» и «такой высокий накал страстей», что все знают, чем закончится последний. Если ключевые роли распределить между «грамотными, чуткими и опытными актерами шекспировских пьес», которые «в первых четырех актах с головой уйдут в язык и культуру Шекспира», последний акт будет сыгран удивительно логично. Точно так же, как шекспировских актеров в первых четырех актах увлекает чувство родства с Шекспиром, верующие представят «нечто среднее между

импровизацией и настоящей игрой в финальном акте» библейской истории⁴⁶. Этот образ отсылает нас к актерам, которые вновь и вновь пытаются отрепетировать сцены спектакля — отточить их до такого уровня, чтобы достичь сердец зрителей. Актеры, увлеченные своей ролью, становятся теми, кого они играют, и это делает все представление жизненным. Они не просто вживаются в роль, они *становятся* героями спектакля.

Писание драматично по своей природе. Оно играет вечный спектакль благовестия. Распространение Евангелия всегда принимало форму драмы и достигало своего величайшего воздействия в виде рассказа — рассказа, в котором Бог взял на себя инициативу в восстановлении взаимоотношений с человечеством. Писание — не только и не столько сборник истин. Оно отражает не только истину, оно отражает саму жизнь, которой были так захвачены ученики, а именно жизнь Иисуса Христа. Писание — больше, чем научный трактат. Это Божий ответ на нужду Церкви, стремящейся пересказать свою историю с Богом в акте поклонения. И в самом деле — Писание больше похоже на пьесу, чем на систематическое изложение истин. Если вы хотите привлечь постмодернистов, покажите нам, как стать участниками этой истории.

История важна, потому что она затрагивает всех людей, в ней сконцентрирован опыт всего человечества. История может вдохнуть жизнь в теорию и доктрины. История обнаруживает постмодернистскую истину — ту самую истину, которую нужно прожить. История превращает текст в переживание. Согласно Гансу Урсу Бальтазару, «добро, которое дает нам Бог, переживается как истина только в том случае, если мы принимаем участие в его осуществлении»⁴⁷. Для постмодерниста недостаточно только перевести слова Писания в истинные утверждения. Истина должна сопровождаться действиями. Для того чтобы привлечь сердца людей, Евангелие должно быть явлено на деле. Для того чтобы постмодернисты научились летать, они должны видеть, как это делается.

**Для того чтобы привлечь сердца людей,
Евангелие должно быть явлено на деле**

Заключение

Основателям новых церквей нужно понять, что постмодернизм требует не столько нового, сколько реставрации того, что уже было в христианстве.

⁴⁶ N. T. Wright, *How Can the Bible be Authoritative?* // *Vox Evangelica*, 21 (1991), cc. 18—19.

⁴⁷ Hans Urs von Balthasar, *Theo-Drama: Theological Dramatic Theory*, vol. 1, (San Francisco: Ignatius Press, 1988), c. 20.

Постмодернизм символизирует не конец чего бы то ни было, но скорее начало нового цикла. Этот новый цикл заставляет представителей эпохи модерна и постмодерна играть на одной сцене. Для этого спектакля мы предлагаем идею обновления. Мы вспоминаем. Мы перефразируем. Мы цитируем. Мы проживаем вновь. Мы повторяем. То, что вы слышали о нас, правда. Смысл мы извлекаем из опыта. Но ведь и Бог поступает так же. Фактически, опыт — это прах, в который Бог вдохнул смысл. Пепел к пеплу, прах к праху. Подобно тому, как почва, участвуя в природном кругообороте, становится богаче, вбирая в себя жизнь и смерть, так и опыт детей Божьих восполняется по мере повторения, обучения и воссоздания.

Постмодернизм требует не столько нового, сколько реставрации того, что уже было в христианстве

Наверное, мы все-таки неуловимые птицы — нас вам не поймать, насыпав соли на хвост. Но помимо всего прочего, мы еще и люди. А люди нуждаются в любви. Мы хотим быть частью чего-то большего. Нам нужно знать о том, что Бог ценит нас, о том, что Иисус сделал для нас, о том, что Дух Святой может воссоздать в нас. Расскажите нам историю. Доверьтесь ее Автору. Покажите нам всю картину. И мы сможем летать.